

Татьяна Егорова – в прошлом актриса Театра сатиры. Правда, настоящую известность она заработала не ролью в театре или в кино, но благодаря документальному роману «Андрей Миронов и я», который выдержал уже несколько переизданий и остается едва ли не самым скандальным произведением во всей отечественной мемуаристике. Четыреста страниц разоблачений и компромата, популярные артисты в откровенных позах, знаменитые режиссеры как тайные и явные маньяки...

Из личного архива

Однако задумывалась та книга не про ненависть – про любовь. Причем героем романа выступал безусловный кумир всего женского населения СССР, обыкновенное чудо российского театра, чьи последние – на сцене и в жизни – слова: «Сегодня она оказывает предпочтение мне...» прозвучали в августе 87-го, словно приветствие собственной смерти... В жизни Егоровой есть еще одна негаснущая привязанность, еще одна душевная боль. Это Мария Владимировна Миронова, признавшая возлюбленную своего сына, только когда его самого уже не стало. В арбатскую квартиру Марии Владимировны проведать, принести цветочки, записать очередное интервью забегали многие. (МВ, кстати, терпеть не могла светлых глаголов. «Забегать не надо, вы лучше ко мне зайдите», – степенно поучала она своим сильным, с металлическими нотами голосом.) Егорова не забегала и не заходила – практически жила. Чем старше становилась Миронова, чем настойчивее речь заходила о лекарствах, больницах и операциях, тем меньше сил и терпения оставалось у нее на посторонних людей. Круг забегавших сильно поредел. А Егорова никуда не исчезла. Она была не единственная, но она была – и это факт. С тех пор, как на Сивцевом Вражке стараниями, в том числе и Егоровой, открылся музей, сама она порог знакомого дома не переступила ни разу. 2005-й – для Марии Мироновой год юбилейный. Родилась она на самом деле не в 1911-м, как написано в энциклопедиях, а в 1910-м. И 7 января, а днем раньше. Просто религиозное воспитание не позволяло затевать шумную вечеринку в рождественский Сочельник. А отказываться от праздника в собственную честь Мария Владимировна тоже не хотела... Эксперименты с датами Миронова и Менакер продолжили на собственном сыне. Андрея, родившегося вечером 7 марта, приписали к Женскому дню. Вот вам, товарищи женщины, подарок. Дата определила судьбу... Сегодня Татьяна Егорова окончательно перекалфицировалась из актрисы в писательницу. Она пишет о прошлом, которое не отпускает. Пишет о главных людях своей жизни. В их числе – Мария Миронова, прекрасная актриса, трудный человек и женщина по истине трагической судьбы.

АЛМАЗЫ Марии Мироновой

Татьяна ЕГОРОВА

Зачем мы пришли в этот мир? Какой путь суждено нам пройти? И что мы после себя оставляем? Казалось, Мария Владимировна знала ответы на все три вопроса. С раннего детства она была уверена, что пришла в мир, чтобы стать артисткой. И знаменитой! Когда ребенком ее повели на «Синюю птицу», она едва усидела в кресле. Так ей хотелось бежать на сцену и играть – всех. Хлеб, Сахар, Воду! Тильтиль, Митиль! Играть, только играть – императив всей ее жизни. Если что-то мешало, она просто устраняла помеху.

Михаил Гаркави, великий конферансье, впервые вывел восемнадцатилетнюю Машу Миронову на сцену Колонного зала, в объятия удачи и успеха. «Маша, прошу!» – объявил

он. С тех пор Машу «просили» 71 год.

У Марии Владимировны были государственные ум и детская душа. Этой детскостью она будто притягивала в свою судьбу радость, изобилие, семейное счастье. Притягивала, привораживала. И приворожила.

Александр Семенович Менакер, который был очень знаменит в Ленинграде конца 1930-х годов – у него был «Голубой джаз», он великолепно пел, виртуозно играл на рояле, выступал с музыкальными фельетонами, был прекрасно образован, – влюбился в Машу Миронову и подарил ей себя целиком. Через много лет она будет повторять, как молитву: «Саша был художественным руководителем всей моей жизни».

Любить Марию Владимировну было очень трудно, не любить – невозможно. Жесткая, колющая, подозрительная, пронизательная, скупая. Боялась боли, физической и душевной. Но как-то я рассказала ей, уже после смерти Андрюши, что, мол, была у него в театре одевальщица, тетя Шурочка. Старенькая, тихая, преданная Андрею до конца. Стирала ему рубашки, готовила чай, кофе. Мария Владимировна стала звонить в театр, узнавать, где эта тетя Шурочка. Кто-то сказал: умерла. Потом выяснилось: не умерла, а на пенсии. Мария Владимировна узнала ее адрес, заказала машину, поехала в магазин и закупила две коробки деликатесов. В благодарность за сына. Вот тебе и скупая.

В молодости ее называли «ведьма с голубыми глазами». Однажды, уходя из гостей, пожаловалась: «Ноги болят». Кто-то посоветовал: «А ты садись, Маша, на метлу и лети». Склонность к тирании была, конечно, в ее характере. Особенно это чувствовали близкие.

На даче в Пахре, на камине, Мария Владимировна держала целую стаю фарфоровых черных котов. Они должны были охранять. Не сберегли. Жизнь сломалась, как молнией перерубленное дерево. Наступило одиночество – без мужа, без сына, без никого... И ни единой слезы. «Мария Владимировна, – пыталась я как-то ее утешить, – одиночества нет, всегда рядом ангел-хранитель». Она пристально посмотрела на меня, как врач на пациента, и весомо произнесла: «Но он же не пойдет за хлебом».

Однажды я приехала на дачу, которую она любила, как живое существо, со всей силой своей страсти. Смеркалось. Дверь была приоткрыта. Смотрю: сидит в своем кресле. Тишина. Сумерки. И смотрит... если сказать «вдаль» – ничего не сказать. В глубь галактики. В бесконечность. Ощущение было, что она выпала из времени, что это истинный, главный ее монолог. Монолог молчания.

Самое большое искусство, которым овладела Мария Миронова, – это искусство жить. Судьба после страшных испытаний озарилась прощальным радостным светом. Ей было 78 лет, когда ее позвал к себе в театр Олег Табаков. Она сыграла там несколько ролей, исколесила с театром на автобусе всю Америку, а в день ее 80-летия, 7 января, Табаков заехал за ней на тройке и по-гусар-

ски прокатил именинницу до самых дверей театра, где уже были накрыты банкетные столы...

В жизни знаменитой артистки Марии Мироновой были эпизоды, мало кому известные, но которые, верю, зачтутся ей там, где она сейчас. Родители ее умирали в одной больнице на разных этажах, а Маша бегала от одного к другому, скрывая, что они умирают. Так похудела от горя, что весила всего сорок килограммов.

Когда Сталин утек в тюрьму ее первого мужа, Мишу Слуцкого, Миронова с Менакером через день носили ему передачи. Хотя знали, что рискуют.

Во время войны, ночью, после концерта у партизан в лесу, Миронова тонула в болоте в кирзовых сапогах сорок первого размера. Уже была по

стала брать с нее пример. За десять лет бок о бок мы обменялись. Она тоже приобрела качества, которых у нее раньше не было: стала добрее, мягче, подарки делала, деньги в долг давала, кого-то в больницу устраивала. До этого жила только для себя. Центр Вселенной – это она.

Иногда, по ночам, я разговариваю с ней:

– Не хватает мне вас, не хватает... Закрываю глаза, смотрю киноленту нашей с вами непростой жизни, знаю все ваши движения души, знаю все ваши пословицы и поговорки наизусть, да не ваши – они уже стали моими. Следую вашим советам во всем... Как мне вас не хватает!

Чтоб мы сидели друг против друга на кухне за столом, и чтоб мое сердце замирало от невозможного счастья близости с вами...

Из личного архива

пояс в пучине. Какой-то солдат махом вытащил ее из болота, но уже без сапог...

В конце жизни она освободилась от имущества: уникальную коллекцию фарфора передала музею, дачу завещала внучке Маше, квартиру тоже оставила под музей. Ушла налегке.

Меня часто спрашивают: какое наследство вам оставила Мария Владимировна? Имея в виду библибинские алмазы, действительно мне завещанные. Они были в черненном серебре, величиной с орех. Кулон и серьги, по-моему, елизаветинского времени. Мария Владимировна была в них на своем 85-летию. Но после ее смерти я их больше никогда не видела. И не жалею. Существуют другие алмазы, дороже тех, и их у меня никто не отнимет. Мария Владимировна вылечила мой больной, перебитый инстинкт. У меня был сломанный компас, который показывал не туда. А у нее все время туда. Она говорила о себе: я неподнятая целина. Видела людей насквозь, прозорливая была, чего от кого ждать. Лишних не пускала. Я

Родная моя Эпоха Владимировна, сколько вы пережили войн, революций и всяких там... «измов», как у вас болело сердце за Россию, и как вы всегда повторяли «за державу обидно!»...

И чем для вас стала смерть Андрюши – знали только вы, остальные могли догадываться... И когда на кухне, за столом, после Ваганьковского кладбища, цунами подступал к горлу, и из глаз рвались слезы, и чтоб не выпустить наружу рыдания и крик, вы своей мощной волей выключали этот проклятый рубильник... Рубильник заведующий отчаянием, непримиримостью, воплями по своей трагической жизни... И на мою болевую точку, чтоб тоже не разрыдаться, с иронией приносили: «Знаете, от чего Мичурин умер? Упал с клубники». И смеется. А это страшное, что внутри, все вопиет, не отступает. И тогда, отодвинув тарелку в сторону, вы продолжаете: «Бог написал, никто не видал. Середка сыта, концы играют!» Улыбаемся. И страшное, что внутри, отступает, стихает вопль. Можно жить дальше...